

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО:  
В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА  
*GOVERNMENT AND SOCIETY:  
LOOKING FOR A COMPROMISE*

## Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом?

*О.В. МИХАЙЛОВА\**  
*А.Е. КОНЬКОВ\*\**  
*Е.В. БАТОВРИНА\*\*\**

**\*МИХАЙЛОВА Ольга Владимировна** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, Москва, 119991. E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

**\*\*КОНЬКОВ Александр Евгеньевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, Москва, 119991. E-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

**\*\*\*БАТОВРИНА Екатерина Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, Москва, 119991. E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru

Общественная солидарность – один из ключевых факторов стабильности социального порядка, политической легитимации правящего режима и условием эффективного управления развитием общества. В условиях неопределенности, экономического и социального кризисов и появления иных угроз общественному развитию – в частности, COVID-19, спрос на общественную солидарность растет. Его успеху препятствует расслоение общества по целому ряду признаков – экономических, конфессиональных, культурных, ценностных и др. Для преодоления групповых различий, дискриминации, общественной сегментации необходимо активное участие как государства, проводящего справедливую политику и поддерживающего функционирование эффективных институтов, так и общества, члены которого проявляют социальную инициативу, инвестируют ресурсы в решение важных проблем. Сравнительный анализ мировой и российской практики взаимодействия государства и общества демонстрирует готовность граждан и государств, в том числе России, – к солидарным действиям ради общего блага. Вместе с тем, как показывают результаты глубинного экспертного интервью (июль–сентябрь 2020 г.), взаимодействие государства и общества в России имеет свои особенности. Прежде всего, правящая элита не всегда достаточно активно участвует в выполнении исторически сложившейся роли государства как главного актора формирования солидарного общества. Кроме того, отмечена разнонаправленность мер и решений, принимаемых на государственном уровне (если одни объединяют граждан, другие, напротив, дестабилизируют общество. Наконец, мало положительных примеров формирования и укрепления солидарных связей по инициативе граждан.

**Ключевые слова:** солидарность, солидарные связи, государство, гражданское общество, государственная политика, коммунитаризм.

DOI: 10.31857/S086904990013642-8

**Цитирование:** Михайлова О.В., Коньков А.Е., Батоврина Е.В. (2021) Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом? // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 26–28.

DOI: 10.31857/S086904990013642-8

---

**Работа выполнена** при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31040 «Государственная политика как фактор укрепления общественной солидарности».

## State and Society in Search of Solidarity: Together or Side by Side?

*Olga V. MIKHAYLOVA\**

*Alexander E. KONKOV\*\**

*Ekaterina V. BATOVIRINA\*\*\**

**\*Olga V. Mikhaylova** – Doctor of science (Political science), associate professor, professor of the Policy analysis department, School of public administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4, Lomonosovskiy prosp., Moscow, 119991. E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

**\*\*Alexander E. Konkov** – Candidate of science (Political science), associate professor of the Policy analysis department, School of public administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4, Lomonosovskiy prosp., Moscow, 119991. E-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

**\*\*\*Ekaterina V. Batovrina** – Candidate of science (Sociology), associate professor of the Human resource management department, School of public administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4, Lomonosovskiy prosp., Moscow, 119991. E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru

**Abstract.** Social solidarity is one of the key factors of social order stability and political legitimization of the ruling regime and is a prerequisite for effective governance of social development. At a time of uncertainty, economic and social crises, and emergence of other threats to social development – in particular, COVID-19, the demand for public solidarity predictably grows. However, the stratification of society by economic, confessional, cultural, value distinctions hinders its successful satisfaction. The possibility of overcoming group differences, discrimination, social segmentation is seen in the active participation of both the state, pursuing a fair policy and supporting the functioning of effective institutions, and the society, whose members show social initiative, invest resources in solving important problems. The comparative analysis of international and Russian practices of how state and society come together to form and realize a policy of solidarity confirms the willingness of citizens for solidarity actions aimed at common good, and the one of states, including Russia, for making efforts to strengthen solidarity. At the same time, according to the results of an in-depth expert interview (July – September 2020), the interaction of state and society in search of solidarity in Russia has its specific features. They are a lack of participation of the ruling elite in implementing the historically evolved role of the state as the main actor in forming a solidary society, multidirectional measures and decisions taken at the state level (if some of them really strengthen solidarity and unite citizens, the others, on contrary, destabilize society and destroy solidarity ties), a limited number of positive examples of forming and strengthening solidarity ties on the initiative and participation of citizens.

**Keywords.** Solidarity, solidarity ties, state, civil society, public policy, communitarianism.

DOI: 10.31857/S086904990013642-8

**Citation:** Mikhaylova O., Konkov A., Batovrina E. (2021) State and society in search of solidarity: together or side by side? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 16–28. DOI: 10.31857/S086904990013642-8 (In Russ.)

Формирование и укрепление солидарных связей в современном российском обществе – важнейшая задача действующих властей. Внутреннее единство государства и общества, стабильность социального порядка, легитимность принимаемых решений, эффективная система государственного управления способны своевременно и результативно отвечать на внешние и внутренние угрозы и вызовы. Политическое управление в условиях кризиса в решающей степени зависит от способности социума действовать солидарно, преодолевая возможные индивидуальные и групповые реакции, – проявления эгоизма, возрастание эмоциональных факторов в социальной коммуникации.

### **Государство как центральный актор формирования солидарных связей**

Несмотря на высокую значимость солидарности для проведения государственной политики и общественного развития, внимание к ней со стороны научного сообщества длительное время было весьма незначительным. Глобализация и усиление тренда на индивидуализацию общества заставили задуматься о последствиях ослабления социальных связей, что способствовало развитию коммунитарной мысли [Etzioni 2004; Crow 2002; Putman 2001]. В европейском научном дискурсе остро встал вопрос – к чему приведет отказ от модели государства всеобщего благоденствия с высоким налогообложением в пользу минимального государства с низким налогообложением. Солидарность длительное время связывали с высоким уровнем социального обеспечения, а его снижение – в представлении ряда исследователей – угрожает ее ослабить.

Распространилось элитистское представление о солидарности как «готовности делиться ресурсами с другими посредством личного содействия нуждающимся через налогообложение и перераспределение, организованное государством» [Stjernø 2004, p. 2]. Вместе с тем акцент на перераспределительной политике государства в формировании солидарности не принимает во внимание отрицательный потенциал государственного обеспечения. Опора исключительно на бюрократические практики способствует в большей степени формированию патерналистской культуры, а не солидарности, поскольку игнорирует значительную роль общественных институтов в этом процессе. Следует учитывать также тот факт, что у людей отнюдь не всегда превалирует утилитарная мотивация. Солидарность – это и «чувство взаимной симпатии и ответственности среди членов группы, способствующие взаимной поддержке» [Wilde 2009, p. 171].

Консенсус политических элит относительно необходимости отойти от модели государства всеобщего благоденствия отнюдь не означал, что правительство отказывается от участия в укреплении солидарных связей. В новых условиях научное сообщество сосредоточилось на ключевых направлениях, требующих пристального внимания государства для укрепления солидарности, не допуская дискриминации меньшинств и развивая сети межличностного доверия в обществе. Среди них принципиальное значение имеют, как представляется, усилия государства в экономической, политической и институциональной сферах.

В экономической сфере для укрепления солидарных связей важно сотрудничество экономических агентов с государством в вопросах поддержания определенного уровня дохода граждан, обеспечения их занятости и эгалитарного распределения доходов. Таким образом, сегментации общества будут препятствовать: инклюзивное покрытие рисков утраты доходов (всеохватные программы социальной защиты, пенсионное обеспечение); гарантия гражданам доступности качественной занятости (создание постоянных высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих мест), справедливое распределение дохода.

Благосостояние – наиболее чувствительная область, в которой солидарность ощущается очень остро. Поэтому приоритетными остаются меры по усилению социаль-

ной защиты населения, приведению экономического положения более слабых групп в соответствие с имеющими сильные позиции на рынке. Отметим, что управленческое воздействие государства предполагает не уравнивание экономических ресурсов и социальных статусов, а обеспечение всем гражданам страны равенства в определенном наборе важных для них товаров и услуг, позволяющих реализовать свой потенциал [Rawls 1971]. Иными словами, речь идет о сохранении определенных стандартов жизни – высококачественной медицинской помощи, социальных услуг, системе социального страхования для поддержки граждан, не имеющих по разным причинам достаточного объема ресурсов. Подобные меры повысят для них вероятность самореализации, что благоприятно скажется на социальном и экономическом развитии страны.

В то же время в вопросах укрепления солидарности государство не должно воспринимать граждан исключительно как реципиентов экономической и социальной помощи. Задача и в формировании поведенческой модели, в которой доминирует взаимность, а не утилитаризм. Как демонстрируют результаты ряда эмпирических исследований, люди гораздо чаще, чем принято считать, готовы включаться в отношения взаимной помощи и поддержки [Strimling, Lindberg, Ehn, Eriksson, Rothstein 2013]. Однако главное условие взаимодействия – уверенность в том, что таким же образом будут себя вести и другие. Граждане готовы вовлекаться в кооперативные солидарные связи для достижения общественно значимых целей, даже ничего не получая в материальном плане, если они убеждены в том, что: (1) политика государства морально оправдана, (2) большинству других людей можно доверять, или не проявится «проблема безбилетника»; (3) политика может быть честной и беспристрастной.

Солидарность в обществе обусловлена не только экономической политикой государства, но и институциональным дизайном, способным укрепить равенство и справедливость. Например, Дж. Роулз писал, что справедливая система должна поддерживать сама себя, то есть вызывать у граждан чувство справедливости, желание действовать в соответствии с ее правилами [Rawls 1971]. Используя современную терминологию, следует говорить о качестве государственных институтов, их способности выполнять предписанные им функции в общественных интересах в соответствии с установленными нормами. Ключевая характеристика в данном случае – беспристрастность, то есть отсутствие или крайне низкий уровень в политической системе дискриминации, коррупции, политического фаворитизма и клиентелизма. Иными словами, общественная солидарность связана не только с межличностным, но и институциональным доверием, уверенностью граждан в том, что они имеют дело с компетентными и честными институтами [Rothstein 2013].

Относительно недавнее сравнительное исследование в 29 европейских государствах продемонстрировало, что граждане, поддерживающие идею большего экономического равенства, но живущие, по их мнению, в странах с низким качеством государственных институтов, выступают за политику снижения налогов и сокращения объемов социальной поддержки. В противоположность им граждане, также согласные с идеей большего экономического равенства, но живущие в странах со справедливыми государственными институтами, готовы платить больше налогов для проведения более широкомасштабной социальной политики [Svallfors 2013]. Таким образом, чем выше качество государственных институтов и управления в стране, тем больше правительства готовы тратить на обеспечение социальной справедливости, пользуясь при этом поддержкой общества. В политических системах с коррумпированными и неэффективными государственными институтами граждане не доверяют политикам, не верят в солидарность, а следовательно, не готовы отдавать значительную часть своего дохода в виде налогов. Заколдованный круг: нет средств на меры по установлению социальной справедливости – не будет и гражданской солидарности.

В политическом плане усилия государства по ее укреплению связаны также с развитием инклюзивных институтов, например пропорциональной избирательной системы и многопартийности (они способствуют более справедливой адаптации общества к вызовам благодаря широкому спектру интересов при разработке национальной политики). Консенсус нескольких политических сил, представляющих значительную часть общества, повышает вероятность поддержки гражданами правительственных инициатив. В европейской политической практике укреплению солидарности способствовали социалистические и социал-демократические правительства, имевшие плотные сетевые связи с профсоюзами и рабочим движением. На современном этапе популярность и политическое влияние профсоюзов, заметно снизившись, не сошли на нет, позволяя успешно выстраивать трехсторонние отношения между государством, экономическими агентами и работниками в реализации государственной политики.

Безусловно, экономический рост обуславливает повышение уровня и качества жизни граждан страны, позитивно сказывается на укреплении солидарных связей. Однако еще в 1970-е гг. и научному сообществу, и действующим политикам стало очевидно, что даже в экономически благополучных обществах сохраняются расовые, этнические, гендерные предрассудки. Растущее разнообразие в целом негативно влияет на социальное доверие и тормозит развитие социального капитала, что не может оставаться вне внимания государства [Schaeffer 2014; Putnam 2007]. Борьба с дискриминацией и социальной изоляцией, продвижение идей толерантности и взаимопонимания – не менее важные направления деятельности государства по укреплению солидарности. Образование и просветительство дают результат только в отдаленной перспективе, но без них невозможно изменить ценностные ориентации граждан в сторону роста доверия и укрепления солидарности.

#### **Опыт формирования солидарных связей в современной России: мнения экспертов**

Западная коммунитарная мысль оказывает значительное влияние на осмысление проблемы солидарности в российской социологии и политологии. Вместе с тем страна имеет уникальный опыт формирования солидарности в советский период. Во-первых, доминировала безальтернативная идеология, призванная объединить плотными сетевыми связями всех граждан как внутри страны, так и граждан других коммунистических стран. Во-вторых, проведение экономической политики, уравнивающей всех граждан в доходах, лишало их мотивации больше работать, но внушало ощущение равенства. Отличаясь высоким уровнем солидарности, этот период в то же время сформировал традицию, связывающую солидарность исключительно с инициативами власти, стремящейся достичь согласия принудительными мерами [Пантин, Лапкин 2006].

Современная Россия многие годы испытывает серьезный дефицит солидарных связей, что связано как с отсутствием ценностных оснований единства, так и с остротой социально-экономических проблем. На протяжении десятилетий не преодолена социальная аномия, из года в год исследования фиксируют низкий уровень межличностного доверия. Они констатируют, например, что «последнее прибежище солидарности в России – это... семья, сузившаяся до размеров самых близких людей, социально-коммуникативный круг, в котором чувства ответственности и единства все еще имеют вес и значение» [Кармадонов, Зверев 2012, с. 200]. Граждане не склонны объединяться, координировать усилия по достижению общих целей, что объясняется в том числе и тем, что «...нынешний порядок, а вместе с ним и моральная система общества, не стали по-настоящему легитимными» [Реутов, Реутова, Шавырина 2016].

Некоторые авторы весьма пессимистично оценивают перспективы формирования солидарных связей, подчеркивая историческую несвойственность этого процесса русскому

народу, не сумевшему в должной степени развить «институты диалога» как предельной цели солидарности – гражданского общества [Ахиезер 2004].

В академической среде осознают неэффективность конструирования солидарных связей сверху-вниз – по инициативе государства, без поддержки общества [Барков 2012, с. 195]. Однако в последние годы государство сосредоточилось на поиске «национальной идеи», отбирая знаковые исторические события и усиливая патриотическое воспитание. Вместе с тем на первом плане при определении национальной идентичности оказался «образ врага», что не формирует позитивного потенциала для единства [Селезнева 2017].

Если усилия и ресурсы государства сосредоточены на развитии крупных общесоциальных проектов, призванных консолидировать общество, то граждане чаще организуются внутри первичных групп, используя «сетевые формы виртуального общения» [Лапкин, Семенов 2013]. Российские исследователи больше внимания уделяют изучению солидарности на уровне повседневных связей в интернет-сообществах, оперируя, например, такими понятиями, как «онлайн-солидарность» [Юдина, Алексеенко 2020], или «коммуникативная солидарность» [Юдина 2016]. В виртуальном пространстве граждане предпочитают не только общаться, но и создавать группы взаимопомощи, минуя контакты с государством и не полагаясь на его содействие. Это позволяет говорить, во-первых, о «сетевом фронтире» – новой подвижной границы контакта, взаимодействия и взаимопроникновения различных практик для совместного решения социально значимых проблем [Мирошниченко, Морозова 2017]. Во-вторых, речь идет о формировании приватного пространства, движущей силой которого становится субъективный фактор, доминирование индивидуальных интересов и опора на собственные силы при расширении сферы невмешательства государства в жизнь общества [Сауткина 2019].

Для российской коммунитарной мысли характерно повышенное внимание к изучению виртуальной реальности. Общество сосредоточивается на мобилизации ресурсов, отказываясь от традиционного патернализма, завышенных ожиданий в отношении государства. Для укрепления солидарных связей, гражданское общество все чаще мобилизует ресурсы, опираясь на сетевые контакты, компенсирует инертность российской власти. Поддержка людей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, демонстрирует готовность россиян к солидарным действиям ради общего блага, что, в свою очередь, благоприятствует становлению межличностного доверия.

Ведущие российские социологические центры, представители академического сообщества проводили целый ряд социологических исследований, посвященных проблеме общественной солидарности в России. Их предмет весьма многогранен: это представления о содержании понятия «общественная солидарность», сложившиеся у различных категорий населения [Реутов 2017; Самхилишвили 2019], формы и уровень ее проявления в отдельных сферах жизни общества [Сердюков 2018; Реутов, Реутова, Шавырина 2016], укрепление общественной солидарности различных социальных групп [Заливанский, Самохвалова 2017]. Многие исследования сфокусированы на оценке состояния общественной солидарности в России с помощью конкретных индикаторов – уровня доверия к органам власти, их общественного одобрения [Левашов, Афанасьев, Новоженина, Шушпанова 2019], отношения населения к различным политическим инициативам и проектам, проявления протестных настроений<sup>1</sup> и др.

При всей разнотипности проводимых социологических исследований общественной солидарности большинство из них сосредоточено на изучении особенностей конструирования солидарных связей снизу-вверх. Изучение влияния государства на эти процессы в российском обществе на сегодняшний день явно недостаточно. Данный про-

<sup>1</sup> См. Аналитический отчет Левада-центра «Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.» (2012) (<https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>).



бел может быть восполнен путем качественных исследований – в частности, глубинных экспертных интервью. Мнения экспертов, хорошо осведомленных о тенденциях в этой сфере российского общества – в том числе при поддержке государства, могут существенно дополнить эмпирические данные о целостной картине формирования и укрепления общественной солидарности в России.

Определение характера и направлений влияния государства на общественную солидарность в России стало основной задачей глубинного экспертного интервью в июле – сентябре 2020 г. В целевую выборку вошли эксперты в области государственного управления и связей с общественностью, известные политологи, профессора ведущих вузов (в общей сложности – 20 экспертов). Экспертное интервью проводилось на основе разработанного опросника, включающего 14 вопросов (10 основных и 4 уточняющих). Интервью с каждым респондентом было транскрибировано. Обработка ответов на каждый вопрос осуществлялась с помощью SEO-анализа транскриптов. Определено семантическое ядро текста – перечень ключевых слов и словосочетаний, чаще других употребляемых респондентами и характеризующих направленность их ответов.

Результаты интервью указывают на необходимость более тщательного и разностороннего изучения роли государства как актора формирования солидарных связей в российском обществе. По мнению экспертов, она традиционно крайне высока: государство в России исторически «выступает и позиционируется как лидер общественного развития»; «специфика российской политической культуры предполагает, что изначально инициатива по оздоровлению социума должна происходить от государства»; «государство выступает в роли “главного координатора”, предлагает общезначимые цели развития». Значимость влияния государства на солидарность российского общества объясняется не только историческими и политическими традициями, но и уникальным набором доступных ему ресурсов и средств воздействия на граждан: «государство обладает исключительными инструментами в решении задач консолидации общества».

Несмотря на формально высокую роль государства как актора формирования солидарных связей в России, с этой ролью оно справляется не всегда. С одной стороны, «у государства нет образа будущего», с другой – государство не заинтересовано в решении этой задачи, «препятствует проявлениям и развитию общественной солидарности»; «формирование благоприятных условий для подлинной, глубинной общественной солидарности несовместимо с сохранением позиций правящего класса»; «государство, скорее, обслуживает себя и свои интересы».

Негативное влияние на состояние общественной солидарности в России оказывают и другие факторы: «явные конфликты и несовпадения основополагающих идей, интересов и ценностей граждан»; «национальные интересы ряда народов, принимающие крайние формы выражения»; «межрегиональные и межэтнические противоречия»; «существенные различия в уровне доходов населения». Результат – относительно невысокий уровень общественной солидарности в России.

Рассматривая общественную солидарность на нескольких уровнях – групповом, региональном и государственном, эксперты оценивают ее состояние по-разному. На групповом, локальном уровне ситуация, по их мнению, не безнадежна и даже вызывает оптимизм. Как отмечает один из участников интервью, «в настоящее время можно говорить о различных проявлениях гражданской солидарности, когда граждане без участия государства решают проблемы, связанные с частными интересами определенных групп с опорой на собственные силы». О положительных тенденциях в укреплении общественной солидарности на низовых уровнях свидетельствует и упомянутый экспертами «увеличивающийся интерес граждан к неполитическим гражданским практикам, а также структурная дифференциация фактически складывающихся отношений, предполагающих повседневное гражданское участие».

Участники интервью допускают, что «уровень общественной солидарности в разных регионах и даже муниципальных образованиях может быть разным», не исключая, что в некоторых случаях он достаточно высок. На государственном уровне дела, с их точки зрения, обстоят иначе: «в масштабах всего общества солидарность не достижима». Причина, как отмечает один из участников интервью, кроется в том, что «правительство живет на другой планете».

Мнения экспертов вскрывают парадоксальную ситуацию: с одной стороны, государству в России исторически отводится главенствующая роль в формировании и укреплении общественной солидарности, традиционно рассматривая ее как идущую сверху. С другой стороны – интересы политических элит, а также иные факторы препятствуют реализации государством своего потенциала и ресурсов как актора формирования общественной солидарности. Большинство положительных сдвигов – результат процесса, идущего снизу, а именно, проявления активности граждан.

Независимо от направленности оценок роли государства в формировании солидарного общества в России (положительной или отрицательной), многие эксперты признают: решение этой задачи могло бы помочь государству справиться с целым рядом социальных и экономических проблем, «сократить неравенство», «гармонизировать отношения власти и общества», обеспечить устойчивость, стабильность («своего рода гарантия от народных волнений, всевозможных потрясений»). По мнению участников интервью, формирование солидарного общества в России приведет к «утверждению социальной справедливости», «ослаблению политической оппозиции», «государство сможет, наконец, выполнить важнейшие функции реальной интеграции общественных интересов, политического целеполагания, выработки и реализации политики развития». Кроме того, будут решены социокультурные задачи – произойдет «укрепление “русского мира”», «продвижение интересов» России, повысится уровень ее влияния в мире. Учитывая масштаб задач, очень важно выбрать правильные инструменты влияния государства на уровень общественной солидарности.

При всем разбросе мнений экспертов при оценке общественной солидарности и перспектив ее укрепления, к основным инструментам влияния государства на солидаризацию общества в России, по их мнению, относятся:

- правотворчество и правоприменение;
- социальная политика, направленная на «обеспечение определенного стандарта благосостояния для всех членов общества (социальная помощь) и обеспечение всем трудоспособным благоприятных возможностей для предпринимательства и труда»;
- поддержка гражданских инициатив;
- культурно-идеологическая работа, формирование общенациональных ценностей;
- разработка и реализация «политики идентичности», проведение политики «исторической памяти», «активизация работы среди молодежи по воспитанию гражданской позиции и патриотизма».

По мнению экспертов, практически все инструменты влияния государства на уровень общественной солидарности, так или иначе, используются в России, но успешность их применения относительно невысока. Многие инструменты используются ситуативно, носят «характер очередной / внеочередной кампании».

В числе государственных решений и мер, оказавших позитивное влияние на формирование солидарного общества в России, эксперты называют Стратегию формирования солидарного общества в ряде регионов России:

- поощрение прогосударственной деятельности (например, «через награды, обучение, неформальные льготы и допуск к нематериальным ресурсам, моральное одобрение»);
- борьбу с коррупцией («увольнение проворовавшихся губернаторов»);
- присоединение Крыма, спортивные и культурно-массовые мероприятия (чемпионат мира по футболу, Олимпиада в Сочи);



– политику памяти (проекты «Память народа», «Архивная революция», «Бессмертный полк»);

– инициативы по поддержке и воспитанию молодежи и поддержке волонтерского движения.

Эксперты не преминули перечислить и негативные примеры государственных решений и мер, приведших к снижению уровня общественной солидарности в России. Лидером антирейтинга стала пенсионная реформа – ее упомянули десять экспертов из двадцати. Были названы также конституционная реформа, реформа медицины, налоговая политика («рост налогов»), силовое подавление протестных выступлений, политика в отношении партий («зачистка поля»), «неоднозначные меры во время пандемии». Вместе с тем, по мнению экспертов, основная проблема кроется не в конкретных государственных решениях и мерах, а в «отсутствии внятных общегосударственных идей», «непоследовательности политики», фрагментарной, «грантовой, отрывочной, проектной работе». Подрывая доверие населения к власти, это снижает уровень солидарности.

Еще один вскрытый в интервью парадокс – двусмысленная роль государства в солидаризации общества в России. Проводя меры по укреплению солидарных связей, конструктивно влияя на солидаризацию российского общества, государство одновременно разрушает достигнутые результаты из-за непопулярных, неоднозначных решений, прямо или косвенно ухудшающих положение граждан. Если положительные меры – это прежде всего, символическая политика и политика памяти, то к деструктивным, негативным проявлениям относится социальная и экономическая политика.

Мнения экспертов разделились по поводу возможностей повысить уровень общественной солидарности в России с помощью государственной политики. Чуть больше половины экспертов полагают, что «возможности есть». Их прогнозы варьируют от достаточно скромных («В настоящий период наблюдаются некоторые осторожные позитивные изменения, говорящие об усилении темы солидарности в актуальной повестке дня государственной власти. В первую очередь это связано с подготовкой выборов в Государственную думу в 2021 г.») до явно оптимистичных («Возможности повышения уровня социальной солидарности в России через государственную политику практически безграничны. У государства есть абсолютно все рычаги и средства для реализации этой концепции»).

Осуществлению данных прогнозов, по мнению участников интервью, препятствует сопротивление элиты («Шанс есть. Но сопротивление элиты – серьезный фактор»). Ссылки на элиту присутствуют и в ответах экспертов, считающих, что повышение уровня общественной солидарности в России с помощью государственной политики «затруднительно». Как отмечают респонденты, «Возможности ограничены и определяются волей и интересами правящей элиты. Многие ее представители весьма специфично истолковывают и понимают национальные интересы страны, а свое будущее и будущее детей видят за ее пределами»; «Нужна другая государственная политика и другие люди, которые станут ее проводить. Без перемены команды и правящего класса в целом (да и политического режима тоже) проблема не имеет решения». Напрашивается вывод, что снижение сопротивления со стороны политической элиты – основное условие выполнения государством своей исторической роли актора формирования и укрепления солидарных связей в российском обществе.

#### **Пути и препятствия укрепления общественной солидарности в современной России**

Несмотря на множественную смысловую дисперсию экспертных оценок, можно уверенно постулировать востребованность идей солидарности, совместности, объединения усилий среди рефлексирующей части общества. Подобная востребованность, как правило,

сопряжена с ожиданиями относительно соответствующей коррекции государственной политики.

Солидарность в последние годы не относилась к используемым для воспроизводства и укрепления актуальных социальных нарративов российской действительности. Вместе с тем соответствующие государственные меры продолжали – пусть и в несколько «фоновом» режиме – оставаться в арсенале политического класса. Проблема дефицита связующих нитей в современном российском социуме не нова. Однако основные усилия государства по ее преодолению носили характер во многом инерционный, ориентированный на объединяющие успехи прошлого.

Согласно данным «Левада-центра», для россиян основными связующими элементами остаются исторические символы, достижения или, наоборот, возможные упущения прежних поколений сограждан: «Представление жителей России о “нас” как об общности по-прежнему преимущественно обращено в прошлое, и Победа в Великой Отечественной войне остается главным событием, за которое россияне испытывают гордость»<sup>2</sup>. Такого рода солидарность, сформированная прошлыми поколениями, – важная опора и для целеполагания действующей власти.

Современная Россия не выработала достаточных оснований для солидаризации своих граждан, представляющих различные социальные группы и слои, на длительную перспективу. За исключением, разве что, «крымского консенсуса», с одной стороны, сплотившего граждан вокруг возвращения Крыма и Севастополя в состав России. С другой – имевшего все же ограниченный временной эффект как в силу краткосрочности возникшей синергии, так и, возможно, несогласованных ожиданий у разных социальных групп.

COVID-19 и серьезные вызовы системе здравоохранения, экономике и социальной среде по-разному повлияли на состояние общественной солидарности как в России, так и во всем мире. На фоне активных гражданских инициатив по поддержке и людей в группе риска, и медицинских работников, разного рода благотворительных проектов государственные системы (и в большей степени их наднациональные институты) зачастую демонстрировали спонтанность и неочевидность принимаемых мер и решений. Невысокая эффективность государственных структур не могла не вызвать падения доверия к ним и роста протестных настроений по всему миру.

В России, с одной стороны, ощутимо возник запрос на взаимную поддержку и сопричастность к общей беде, востребованы столь активно развивавшиеся в последние годы волонтерство и социальное предпринимательство. С другой стороны, социальное дистанцирование, самоизоляция и возникающие экономические сложности стали формировать совершенно разные модели профессиональной деятельности, потребления и коммуникации в целом. Они вызвали к жизни, в частности, специфические федеративные практики на фоне децентрализации ответственности за введение и снятие ограничительных мер, а также региональные особенности в гармонизации общественных настроений.

Согласно результатам исследования Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, «За время эпидемии коронавируса россияне стали меньше доверять друг другу, но многие готовы помогать тем, кто в этом нуждается»<sup>3</sup>. Авторы отмечают пятипроцентное снижение доли людей, считающих, что большинству можно доверять. Однако 61% россиян были готовы помогать незнакомым, оказавшимся в самоизоляции, в решении их бытовых проблем.

Современная Россия по-прежнему весьма сложный по своей структуре и ценностным

---

<sup>2</sup> Опрос Левада-центра «Гордость и идентичность» (2020) (<https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>).

<sup>3</sup> Опрос Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ «Россияне в условиях пандемии: от кризиса и тревоги к настроениям «мирного» времени» (2020) (<https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>).

воззрениям социальный организм. Пестрый этнонациональный, конфессиональный, идеологический, хозяйственно-стратификационный состав населения неравномерно распределен по разным географическим зонам и смешанным культурно-цивилизационным ареалам. Исторически сложилась ориентация на воспроизводство локальных моделей общественной самоорганизации при устойчивой политической лояльности иерархическим элементам государства. Государственная политика традиционно остается ведущим инструментом конструирования гражданской солидарности, хотя отнюдь не монопольным.

Вместе с тем государству исторически приписывают ключевую роль в формировании солидарного общества в России, однако ее затрудняют множество факторов. Один из них, как можно судить по результатам исследования, – недостаточно активная роль правящей элиты. В отличие от классической (и весьма рискованной, как известно) дилеммы «верхи не могут – низы не хотят», складывается парадоксальная ситуация: вроде бы все и могут, и хотят, но не могут быть решены в силу сложного баланса интересов в верхах и противоречивости завышенных ожиданий в низах.

Формально весь арсенал инструментов влияния государства на укрепление солидарных связей в обществе широко используется в России, но результат оставляет желать лучшего. Основная причина – разнонаправленность мер и решений, принимаемых на государственном уровне: одни (прежде всего, инструменты символической политики) действительно укрепляют солидарность и объединяют граждан. Другие (прежде всего, социальные и экономические меры), напротив, дестабилизируют общество. Споры вокруг воззрений относительно формы социального устройства не позволяют своевременно перейти к выработке солидарных решений по фундаментальным проблемам содержания общественных отношений в условиях вызовов, регулярно встающих перед Россией.

Есть надежда, что процессы, идущие снизу, прежде всего, социальная активность граждан, позволят решить задачу формирования солидарного общества в России без прямого вовлечения государства, чья многомерность – устойчивая константа. Однако такова долгосрочная перспектива. На данный момент количество положительных примеров формирования и укрепления солидарных связей по инициативе и благодаря участию граждан ограничено. Вместе с тем властные институты масштабируют свои компетенции обратной связи. Это общемировой тренд, а потому социальная самоорганизация, развитие саморегулируемых общностей и диалектика их сетевого капитала при агрегировании идей и механизмов их реализации служат важной предпосылкой для формирования подлинно солидарного общества. Государственная политика станет лишь инструментом легитимации и дальнейшего повышения эффективности реальной и продуктивной горизонтальной активности ответственных граждан своей страны.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аналитический отчет Левада-центра «Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.» (2012) (<https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>).
- Ахиезер А.С. (2004) Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // Общественные науки и современность. № 2. С. 24–34.
- Барков Ф.А. (2012) Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте российской модели гражданского общества // Гуманитарий Юга России. № 2. С. 193–202.
- Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. (2017) Конструирование социальной уверенности у молодежи в процессе формирования ценностей солидарности // Теория и практика общественного развития. № 12. С. 13–17.
- Индикатор «Одобрение органов власти» Левада-центра (<https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>).
- Кармадонов О.А., Зверев М.К. (2012) Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ.

- Лапкин В.В., Семененко И.С. (2013) «Человек политический» перед вызовом «infomodernity» // ПОЛИС. № 6. С. 64–84.
- Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. (2019) Состояние гражданского общества в России. XLIX этап социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». М.: Перспектива.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. (2017) Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // ПОЛИС. № 2. С. 82–102.
- Опрос Левада-центра «Гордость и идентичность» (2020) (<https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>).
- Пантин В.И., Лапкин В.В. (2006) Политическое самоопределение российского общества // Общественные науки и современность. № 4. С. 74–87.
- Реутов Е.В. (2017) Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 5. № 3. С. 111–125.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. (2016) Социальная солидарность в установках и практиках населения // Власть. Т. 24. № 4. С. 94–99.
- Опрос Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ «Россияне в условиях пандемии: от кризиса и тревоги к настроениям “мирного” времени» (2020) (<https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>).
- Сауткина В.А. (2019) Общественный запрос общества на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность // Южно-Российский журнал социальных наук. Т. 20. № 2. С. 70–85.
- Селезнева А.В. (2017) Ценностные основания национально-государственной идентичности // Вестник российской нации. № 4. С. 82–94.
- Сердюков Б.В. (2018) Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 11. № 2. С. 172–189.
- Сомхишвили К.О. (2019) Социальная солидарность в обыденных представлениях мужчин // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. Т. 19. № 2. С. 172–178.
- Юдина Е.Н. (2016) Формирование солидарных групп в сети Интернет // Локус. № 2. С. 101–108.
- Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. (2020) Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. Т. 8. № 1. С. 114–127.

## REFERENCES

- Akhiezer A.S. (2004) *Monologizatsiya i dialogizatsiya upravleniya (opyt rossiyskoy istorii)* [Monologization and dialogization of management (the experience of Russian history)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 24–34.
- Analiticheskiy otchet Levada-tsentra «Protestnoye dvizheniye v Rossii v kontse 2011–2012 gg.» [Analytical report of Levada centre ‘Protest movements in Russia at the end of 2011–2012’] (2012) (<https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>).
- Barkov F.A. (2012) *Grazhdanskaya aktivnost solidarnost i samoorganizatsiya v kontekste rossiyskoy modeli grazhdanskogo obshchestva* [Civic engagement, solidarity and self-organization in the context of the Russian model of civil society]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, no. 2, pp. 193–202.
- Crow G. (2002) *Social Solidarity: Theories, Identities and Social Change*. Buckingham: Open Univ. Press.
- Etzioni A. (2004) *The Common Good*. Cambridge: Polity.
- Indikator «Odobreniye organov vlasti» Levada-tsentra [Indicator ‘Approval of the authorities’ of Levada Center] (<https://www.levada.ru/indikator/odobrenie-organo.v-vlasti/>).
- Karmadonov O.A., Zverev M.K. (2012) *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: potoki i pregradы* [Consolidation of Russian society: flows and barriers]. Irkutsk: Izd-vo IGU.
- Lapkin V.V., Semenenko I.S. (2013) «Chelovek politicheskii» pered vyzovom «infomodernity» [‘Political man’ before the challenge of ‘info-modernity’]. *POLIS*, no. 6, pp. 64–84.
- Levashov V.K., Afanasyev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. (2019) *Sostoyaniye grazhdanskogo obshchestva v Rossii. XLIX etap sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh, Rossiya?»* [The state of civil society in Russia. XLIX stage of sociological monitoring ‘How do you live, Russia?’]. Moscow: Perspektiva.
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. (2017) *Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya* [Network public policy: outlines of the subject field]. *POLIS*, no. 2, pp. 82–102.

Opros Levada-tsentra «Gordost i identichnost» [Survey 'Pride and Identity' of Levada Center] (2020) (<https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichno.st/>).

Opros Tsentra issledovaniya grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora NIU VShE «Rossiyane v usloviyakh pandemii: ot krizisa i trevogi k nastroyeniyam "mirnogo" vremeni" (2020) [Survey of the Center of the Study of the Civil Society and the Non-Profit Sector of the National Research University Higher School of Economics 'Russians in a pandemic: from crisis and anxiety to the moods of peacetime'] (<https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>).

Pantin V.I., Lapkin V.V. (2006) Politicheskoye samoopredeleniye rossiyskogo obshchestva [Political self-identity of Russian society]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 74–87.

Putman R. (2001) *Bowling Alone: The Collapse and revival of American Community*. New York: Simon&Schuster.

Putnam R. (2007) E Pluribus Unum: Diversity and community in the twenty-first century. *Scandinavian Political Studies*, no. 30 (2), pp. 137–174.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Reutov E.V. (2017) Sotsialnaya solidarnost v obshchestvennom diskurse (opyt regionalnogo issledovaniya) [Social solidarity in public discourse (experience of regional research)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, vol. 5, no. 3, pp. 111–125.

Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. (2016) Sotsialnaya solidarnost v ustanovkakh i praktikakh naseleniya [Social solidarity in attitudes and practices of the population]. *Vlast'*, vol. 24, no. 4, pp. 94–99.

Rothstein Bo. (2013) Corruption and Social Trust: Why the Fish Roots from the Head Down. *Social Research*, no. 80 (4), pp. 1009–1023.

Sautkina V.A. (2019) Obshchestvennyy zapros obshchestva na solidarnost: istoricheskaya retrospektiva i sovremennaya realnost [Social demand for solidarity: historical retrospective and modern reality]. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, vol. 20, no. 2, pp. 70–85.

Schaeffer M. (2014) *Ethnic Diversity and Social Cohesion. Immigration, Ethnic Fractionalisation and Potentials for Civic Action*. Farnham: Ashgate.

Selezneva A.V. (2017) Tsennostnyye osnovaniya natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti [Value foundations of national-state identity]. *Vestnik rossiyskoy natsii*, no. 4, pp. 82–94.

Serdyukov B.V. (2018) Grazhdanskaya solidarnost v sfere obshchestvennoy bezopasnosti [Civil solidarity in public safety]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, vol. 11, no. 2, pp. 172–189.

Somkhishvili K.O. (2019) Sotsialnaya solidarnost v obydennykh predstavleniyakh muzhchin [Social solidarity in the everyday ideas of men]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 19, no. 2, pp. 172–178.

Stjernø S. (2004) *Solidarity in Europe: The History and Idea*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Strimling P., Lindberg S., Ehn M., Eriksson K., Rothstein Bo. (2013) Can Efficient Institutions Induce Cooperation Among Low Trust Agents? An Experimental Approach? *Working Paper*, no. 2013:7. The Quality of Government institute. Gothenburg.

Svallfors S. (2013) Government Quality, Egalitarianism, and Attitudes to Taxes and Social Spending: A European Comparison. *European Political Science Review*, no. 5 (3), pp. 363–380.

Wilde R. (2009) The Concept of Solidarity: Emerging from the Theoretical Shadows? *The British Journal of Politics and International Relations*, no. 9 (1), pp. 171–181.

Yudina E.N. (2016) Formirovaniye solidarnykh grupp v seti Internet [Formation of solidarity groups in Internet]. *Lokus*, no. 2, pp. 101–108.

Yudina E.N., Alekseyenko I.V. (2020) Solidarno.st v sotsialnykh setyakh [Solidarity in the social networks]. *Kommunikologiya*, vol. 8, no. 1, pp. 114–127.

Zalivanskiy B.V., Samokhvalova E.V. (2017) Konstruirovaniye sotsialnoy uverenosti u molodezhi v protsesse formirovaniya tsennostey solidarnosti [Construction of social confidence among young people in the process of forming values of solidarity]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 12, pp. 13–17.